

Окончание. Начало — на стр. 1

КОГДА-ТО СТАЛИН в работе "Об основах ленинизма" давал последнему следующее определение: "Что же такое в конце концов ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было ещё развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась ещё прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развёртывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру Советов".

Определяя ленинизм подобным образом, Сталин идентифицировал то, в утверждении чего и в служении чему он участвовал и что реализовывал. Сталин действует в эпоху империализма, Сталин реализует в СССР и ряде соседних стран режим диктатуры пролетариата и социалистических революций, Сталин осуществляет в СССР решение задач построения социализма как в конечном счёте цели пролетарской революции.

То есть эпоха, в которую он действует, осуществляемые им процессы и решаемые задачи — это те же эпоха, процессы и задачи, которые, по его определению, характеризуют и сам ленинизм. То есть он, Сталин, реализует то, что было характерно для ленинизма как выделяемого им явления и учения, реализует ленинизм применительно к развитию политической и экономической ситуации в период после смерти Ленина.

При этом, конечно, основной задачей, которую в России решает Сталин, становится уже не свершение социалистической революции в её фазе свершения власти эксплуататорских классов и утверждения власти пролетариата и беднейшего крестьянства, а продолжение революции в фазе строительства и укрепления этой властью нового строя — социализма, защиты революционных завоеваний от внешней империалистической агрессии, поддержка коммунистического движения в его борьбе в других странах. Но это не некие вновь вставшие задачи — это продолжение решения задач, поставленных новой эпохой, в рамках которой и происходит социалистическая революция.

В этом смысле сталинизм можно было бы считать практикой и интеллектуальным осмыслением решения задач социалистического строительства. И это было бы верно — если бы термин "сталинизм" в практике его применения не приобрёл бы уже характер деконструктивного противопоставления термину "ленинизм", избранному и получившему определение от самого же Сталина, видевшего своей целью не создание сталинизма, а реализацию и исполнение ленинизма.

Иначе говоря, Сталин не "исправляет" ленинизм, он его "исполняет". Хотя и с определёнными стилистическими особенностями, которые неизбежны как особенности личного руководства любого политика, что не превращает индивидуальные черты политического руководства лидера в особое идейно-политическое течение.

НА ПЕРВЫЙ ПЛАН обычно выводится расхожий хрестоматийный образ: сын сапожника, недоучившийся семинарист, человек из низов, самым своим происхождением и принадлежностью к беднейшим классам почти обречённый на судьбу подпольщика и бунтовщика и уже общей волной победы революции заброшенный на вершину власти.

И этот формат видения, как представляется, сам по себе неточный и неверный, вносит непонимание и искажение в то, чем он был, чего хотел и к чему вёл страну.

Он не был "недоучившимся семинаристом" — просто потому, что курс обучения прошёл практически полностью с высокими оценками по всем предметам: математике, греческому языку, русскому языку... Из-за невки на экзамены на пятом курсе был из семинарии исключён. Но получил свидетельство, в котором указывалось, что может преподавать — работать учителем народных училищ. Это был 1899 год, ему было 20 лет, и он начал преподавать.

Но ещё раньше, когда ему было только 15 лет, он познакомился с марксизмом и освоил марксистскую литературу. Его семинарское прошлое часто становилось поводом приписывать ему религиозность и уверять, что именно поэтому при первой возможности он "восстановил патриаршество в России". Что там было с этим "восстановлением" — тема отдельная, но семинарию и её атмосферу Сталин ненавидел всегда, именно её "иезуитство" стало, по его словам, одной из

ВОПРОСЫ СТАЛИНИЗМА

Выступления участников конференции «Вождь и народ». Часть седьмая

причин его прихода в революцию: "Из протеста против издательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма..."

Он любил математику и великолепно его владел. Он любил литературу и писал стихи, которые тогда, ещё в его юности, высоко ценились видными грузинскими поэтами и которые сегодня переведены на ряд европейских языков.

Его стихи ещё в 1895 году поразили знаменитого грузинского поэта Ильёу Чавчавадзе, который и опубликовал пять из них в издававшейся им газете "Иверия" (первое было опубликовано 14 июня 1895 года, и оно же позже в 1912 году было включено в учебник "Родной язык" ("Дәда эна") для начальных классов: "Ветер пахнет фиалками, / Травы светятся росами, / Всё вокруг пробуждается, / Озаряется росами. / И певец из-под облака / Всё живее и сладостней, / Соловей нескончаемо / С миром делится радостью: "Как ты радуешь, Родина, / Красоты своей радую, / Так и каждый работник / Должен Родину радовать".

А ещё — он был увлечён математикой, астрономией и звёздами... Обычно никто не задаётся вопросом, кем он работал и чем зарабатывал до того, как перешёл на нелегальное положение и стал профессиональным революционером-подпольщиком, причём недополмками создаётся искажённый образ "недоучки, не нашедшего себе места в жизни и ставшего подпольщиком". Хотя секрета здесь нет: кроме преподавания он с конца 1899 года стал вычислителем-наблюдателем в Тифлисской обсерватории.

И это вместе — совсем иной образ, сознательно либо бессознательно игнорируемый шаблонным восприятием: поэт, математик, астроном, мечтающий о звёздах, мировой гармонии и счастье людей, берущий в руки оружие и встающий на путь борьбы за это счастье... Образ, восходящий к эпохе Возрождения и веку Просвещения — нечто рафаэлевско-байроновское, признающий несовершенство мира и принимающий его вызов, соглашаясь на построение нового мира... Хотя и осознающий неизбежную трагичность своей судьбы: "Шёл он от дома к дому, / В двери чужие стучал. / Под старым дубовым пандур / Нехитрый мотив звучал. / В напеве его и в песне, / Как солнечный луч, чиста, / Жила великая правда, / Божественная мечта. Сердца, превращённые в камень, / Будил одинокий напев. / Дремавший в потёмках пламень / Взматался выше дерев. / Но люди, забывшие Бога, / Хранящие в сердце змею, / Вместо вина отраву / Налили в чашу ему, / Сказали ему: "Будь проклят! Чашу испей до дна!" / И песня твоя чужда нам, / И правда твоя не нужна!"

И, понимая и осознавая это, он всегда ставит и видит перед собой цели масштабные изменения мира.

Но его романтизм — это романтизм реалиста, чётко отделяющего в своих целях то, что невозможно, но может стать возможным, если к нему стремиться, от того, что, как минимум пока, невозможно... Но именно пока, потому что утопия — мечта, казалось бы, о невозможном — это зачастую лишь преждевременно открытая истина.

И отсюда фраза: "Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики". Потому что он был большевиком, а партия большевиков для него — это такое начало, которое способно, казалось бы, невозможное — делать возможным. Отделяя то, что сегодня кажется невозможным, но может стать возможным благодаря идее, воле и организованности — от невозможного как действительности нереального, но помня о том, что, совершая сегодня, казалось бы, невозможное, мы меняем реальность.

ОН БЫЛ БОЛЬШЕВИКОМ, и в ЦК партии большевиков его включил Ленин в 1912 году, на Пражской конференции, когда большевики окончательно организационно разделились с меньшевиками. Меньшевики, будучи также, безусловно, революционерами, считали, что двигаться к избранной цели можно только тогда, когда ветер политики и ветер истории дуют исключительно в её направлении. Большевики считали, что двигаться к своей цели можно при любом ветре, маневрируя парусами и двигаясь галсами, каждый ветер, каждое движение политической энергии использу для продвижения.

Сталин был большевиком. И он, будучи романтиком — был и реалистом, и максималистом, не удовлетворяясь малым, но этим малым никогда

не пренебрегающим. Признающим сложность и противоречивость иной ситуации — но никогда не отказываясь от того, чтобы через эту сложность и противоречия прорваться. Собственно, они все, большевики, были именно такими: и Л.Д. Троцкий, и Л.Б. Красин, и Ф.Э. Держинский, и А.А. Богданов, и Я.М. Свердлов, и А.В. Луначарский — и многие другие... Все они были магами сверхнапряжения. В принципе, случись — каждый мог встать во главе партии и страны в их пути великого преобразования мира и привести их к победе. Но получилось так, что возглавил он — и справился. Кто-то не дожил, кто-то сошёл с дистанции, кто-то погиб в их внутренней борьбе, в которую, как правило, всегда вступают одержавшие совместную победу лидеры, в общей трагедии, всегда наступающей победителей.

Почему получилось так, что великий проект преобразования возглавил именно он — вопрос особый, важно то, что, когда во главе оказался именно он, он справился.

То, что делало его преданным сторонником и последователем Ленина — это общность их фундаментально-преобразующего подхода: они строили новый мир. В этом строительстве им достались разные роли.

Ленин сыграл ведущую роль в создании революционной партии, той силы, которая способна была взять на себя задачу преобразования мира и создания нового общества, привёл её к политической победе — взятию власти, создал план и исходные конструкции нового мира. Сталин возглавил реализацию этого плана в его привязке к развитию политической ситуации и сохранение его существования в противостоянии с внешним врагом. Оба они — преобразователи мира, в обоих — два начала: ниспровержение отжившего и создание нового на основе сохранённой здоровой части старого мира. Ленину в большей мере пришлось заниматься ниспровержением старого, Сталину — в большей степени созиданием нового. Их пытались и пытаются противопоставить. Одни — чтобы, ниспровергая одного, тайком проложить путь к ниспровержению и другого. Другие — для того, чтобы отбросить ту часть, которая его интересам и взглядам не отвечает, и приватизировать для себя комплементарное.

Особо модно в их противопоставлении, с одной стороны, представлять Ленина разрушителем, а Сталина — созидателем. Тогда Сталин оказывается не революционером, романтиком, просветителем и созидателем нового, а реставратором и консерватором, отринувшим наследие революции и утвердившим некую имперскую реставрацию.

Это удобно тем социальным и интеллектуальным группам, которые в своих интересах и пристрастиях расходятся с интересами тех групп и масс, которые выбросили отжившее составное монархической России и стали строить тот новый мир, в котором главным становился представитель не аристократии, церкви или капитала, а свободного труда. Но сохранить они хотят из всего созданного сильную власть, сильное государство и послушное и всем довольное население. И так, чтобы всё это было подчинено воле, легитимации и интересам возрождённых новых каст чиновников, церковников и бизнесменов. Им импонирует величие и мощь сталинского СССР, но без его смыслового содержания, его большой проектности, его стремления к миру эгалитарности, свободного и интересного труда для каждого — движения к тому обществу, к коммунизму, где, по мысли Сталина, главным богатством человека становилось время для его личностного развития.

Они видят в Сталине не просветителя, а подоплеку нового императора, и они хотели бы прихода нового царя, который со сталинской жёсткостью и эффективностью служил бы их интересам и их безопасности. И ни в коем случае не подвергал их репрессиям, защищая их неприкосновенность и новую кастовость. Для этого обслуживающие их представители интеллектуального класса образ сделанного Сталина сознательно разрывают с образом Ленина и противопоставляют ему, конструируя образы того, в чём Сталин, по их мнению, от Ленина отказался.

ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ противопоставлений — утверждение об отказе Сталина от идеи мировой революции, которую исповедовал Ленин, и сосредоточения на внутреннем развитии страны, отказе от интернационального в пользу национального. Ещё одно — утверждение об отказе Сталина от борьбы с религиозностью и принятии курса на "восстановление патриаршества" и расширение полномочий церкви. Ещё — придание особой роли введению Сталиным погон, которые они обязательно называют "царскими", и других элементов дореволюционной формы.

СТАЛИН В 1931 ГОДУ считает новую схватку и новый этап мировой революции неизбежным и, признавая отсталость России, видит свою задачу в том, чтобы подготовить страну к новому сражению, считая это обязанностью большевиков перед рабочими и крестьянами СССР. И в отношении идеи о том, что Сталин отказывается от интернационализма в пользу решения внутренних задач, он здесь же говорит: "Но у нас есть ещё другие, более серьёзные и более важные обязательства. Это — обязательства перед мировым пролетариатом. Они совпадают с обязательствами первого рода. Но мы их ставим выше. Рабочий класс СССР есть часть мирового рабочего класса. Мы победили не только усилиями рабочего класса СССР, но и благодаря поддержке мирового рабочего класса... Мы первые кинулись в бой с капитализмом, мы первые установили рабочую власть, мы первые стали строить социализм... Мы делаем дело, которое в случае успеха перевёрнёт весь мир и освободит весь рабочий класс. А что требуется для успеха? Ликвидация нашей отсталости, развитие высоких, большевистских темпов строительства. Мы должны двигаться вперёд так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, моё отечество, — они делают своё дело, наше дело хорошо — поддержим их против капиталистов и раздурим дело мировой революции. Должны ли мы оправдать надежды мирового рабочего класса, должны ли мы выполнить наши обязательства перед ним? Да, должны".

Это тот же 1931 год. То есть Сталин не отказывается от идеи мировой революции, он укрепляет страну, делая её достаточно сильной, чтобы победить в этой новой мировой схватке. И более того, Сталин понимает, что судьбу нового этапа этой схватки в конечном счёте решает то, насколько успешным окажется внутреннее развитие СССР как авангарда мирового революционного движения.

Что касается отношений с Церковью и религией, то решение о восстановлении патриаршего престола было естественным шагом мобилизации всех сил перед внешней угрозой для отражения смертельной опасности, но было и оценкой политики церковного руководства того времени.

Церковь и мнимая семинарская религиозность, погоны и офицерские звания, обращение к образам дореволюционных правителей, полководцев и введение их орденов — в общем всё это отдельная интересная тема. О ней можно говорить особо, но ей придаётся значение маркера в противопоставлении мифологеми сталинизма ленинизму и большевизму, в конечном счёте для представления Сталину образа "анти-Ленина" и смены его восприятия как революционера и строителя нового мира — на реставратора мира старого, с восприятия и видения его в качестве народного вождя — на образ нового царя. И эта подмена затуманивает на деле им совершенное, мешает осознать реальную масштабность его просветительской и преобразующей роли, отрицающей религиозно-трансцендентную детерминированность.

Хотя всё объясняется, среди прочего, вышеприведёнными словами Сталина: "Теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость". Сталин защищал не просто страну, он защищал социалистическое Отечество — СССР установленную в нём власть трудящихся классов, и использовал в этой защите всё — все образы и начала, которые отражали идею защиты Отечества. И, защищая независимость страны, он помнил и другое: "Но у нас есть ещё другие, более серьёзные и более важные обязательства. Это — обязательства перед мировым пролетариатом. Они совпадают с обязательствами первого рода. Но мы их ставим выше". И, отражая нападение Гитлера, он не просто защищал Россию от Германии, он защищал будущее социализма и мировой революции от атаки ударной силы мировой контрреволюции — гитлеровского, и не только, фашизма.

И оставался при этом не новым императором, а, наконец, впервые в истории утвердившим власть людей труда народным вождём, видевшим главную ценность и богатство — в людях труда, тех, кто кормит себя своим трудом и держит на своих плечах всю страну.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫМ ЕГО СЛОВА 25 июня 1945 года на торжественном приёме в Кремле в честь Победы народов СССР в Великой Отечественной войне против нацистской Германии: "Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают "винтиками" великого государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, грубо говоря, ни черта не стоим. Какой-либо "винтик" разладится — и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за "винтики", которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Эти скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей".

Строго говоря, Сталин выразил свой как минимум скепсис в правомочности такого сравнения советских людей с винтиками. И сказал, что, по его мнению, эти "винтики" на самом деле: — это простые и скромные люди, без которых все руководители, маршалы и командующие фронтами и армиями — "ни черта не стоят"; — это люди, которые держат в состоянии активности великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела; — это скромные люди, остающиеся безымянными, не имеющие званий — но именно они держат всё, как основание держит вершину; — и каждый из этих людей — незаменим, потому что "винтик" разладится — и кончено", рухнет всё. И Сталин произнёс тост за здоровье этих людей, назвав их своими товарищами.

Тем, кто ставит ему в вину, не нравятся не слова о "винтиках" — это повод. Им не нравится другое — система, признающая, что эти "простые и скромные" люди — на деле самое главное, без которых всё остальное ничего не стоит. Потому что они считают, что эти люди — быдло, которым они призваны помыкать и строить на нём своё благосостояние.

Им не нравится, что нужно быть активным и держать в таком же состоянии всё — "все отрасли науки, хозяйства и военного дела", потому что это значит не только заставлять себя напрягаться, но и чувствовать свою ответственность, ощущать: "Я отвечаю за всё". А им чудно и напряжение, и та же ответственность. Они не хотят отвечать ни за что — они хотят лишь указывать и диктовать, что, по их мнению, сделано плохо. Им не нравится, что нужно "держать всё", потому что это тоже означает напряжение и ответственность, и потому что они хотят, чтобы они не напрягались, но были вершиной, а остальные держали их, а они сами были избавлены от минимального чувства признательности. И им не нравится, когда незаменимыми признают не их, а простых и скромных людей, не имеющих чинов и наград.

Такая система отношений их не устраивает: — потому что сами они не способны быть такими, чтобы все остальные без них ничего не стоили; — потому что сами они не способны держать в состоянии активности всё — они могут лишь держать остальных в раздражении; — потому что понимают: если их не будет — ничего не рухнет; скорее всего, станет только хуже; они чужие и бесполезные для дела.

И они это понимают. Этот комплекс ущемлённости и бесполезности мучает и страшит их, заставляет пытаться самоутвердиться в выдумывании и распространении лжи о тех, кто может быть незаменимым, скромным и "отвечать за всё".

СТАЛИН ИМЕЛ признаваемые им цели. Он сумел их достичь.

Здесь вообще встаёт вопрос о критериях оценки политической личности и её деятельности. К тому времени, когда Сталин оказался в составе высших руководителей страны, эпоха поставила перед Россией две основные цивилизационные задачи. Первая заключалась в окончании перехода к индустриальной фазе развития, с чем Россия отстала на десятилетия, и, соответственно, создания опорных плацдармов постиндустриального производства. Вторая — в создании общества социальной демократии и социального государства.

Собственно, эти две задачи и вызвали к жизни Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Сталин, так или иначе, обе их решил. Его успех создал социально-политическую систему, которая в тот момент была и длительное время оставалась конкурентной на мировой арене и служила примером для огромных масс людей. Проблемы у этой системы начались тогда, когда, воспользовавшись, в частности, её опытом и достижениями, её конкуренты пошли дальше, а она — зависла в своём восхождении.

Успешен тот, кто решает поставленные историей задачи, а не тот, кто платит меньшую цену, но задачи не решает. Вопрос цены имеет значение — но только на фоне достижений цели. Провал задач, поставленных историей, не может быть оправдан стремлением минимизировать потери. Полководец, умеющий побеждать малой кровью, лучше полководца, который платит за победу большими потерями. При одном условии — если победа достигнута. Строго говоря, всё сказанное — почти очевидно. Именно поэтому массовое сознание и стихийная народная память так тянутся к образу Сталина. Однако так же очевидно и то, что известная часть общества относится к нему иначе.

Сталин и его политика — это некий концентрат мобилизационности, с одной стороны, и жёсткой ответственности — с другой. Утверждавшийся им стиль руководства и политики — это требование работы и постоянного напряжения, соединённого с умением добиваться результата, часто находящегося почти за гранью возможного. Это — постоянное напряжение, работа на пределе. Люди той генерации — генерации революции и Отечественной войны — это люди, для которых, говоря словами братьев Стругацких, "понеделник начинался в субботу". Маги сверхнапряжения. Люди образа жизни, при котором твоя работа — главное, и отдаёшься ей полностью. И ни от чего не получаешь большого удовольствия, нежени от неё.

Мобилизационный стиль требовал постоянной готовности к подвигу, реальной готовности к героизму, то есть совершенно поступков, за которые ты платишь самим собой, но которые служат тому большому, что ты имеешь в себе, нежелая твоё биологическое существование. Требовал всё время подстёгивать самого себя, всё время не давать биологическому в тебе вырваться. Стать хозяином твоей социальной оболочки и подчинить себе твою интеллектуальную сущность.

СТАЛИН — ИЛИ НЕЧТО, что можно обозначить этим именем, — представлял стиль и мир фронта. Мир движения вперёд. Мир умения перешагнуть через свои слабости. Мир, где человек с каждой новой победой над обстоятельствами восходит на новую ступень своего родового существования. Общество, где познание — важнее потребления. В мире фронта человек изживает в себе обесыну. В мире расслабленности — обесына берёт верх над человеком.

И эта позиция с неизбежностью приводит к следующему. Развитие человека и его восхождение от "едока" к исследователю, от потребителя к творцу — по сути и есть то, что принято называть прогрессом. Последний, конечно, имеет много сторон — и сторону научно-техническую, и сторону технологически-производственную, и социально-экономическую. Но главное — ту, где человек восходит от обесыны к состоянию демиурга. Однако мир устроен так, что за прогресс нужно платить. Волей, напряжением, нервами, материальными ресурсами. Прогресс, так или иначе, ломает сложившийся и устоявшийся порядок. А наличный порядок потому и требует изменения, что он несовершенен. То есть для неких утвердившихся групп, играющих при нём большую роль и пользующихся большими благами, он более выгоден. Для других — менее, а для многих — невыгоден вообще.

И нужно понять и признать то, что приняло общественное сознание.

Первое. Сталин в целом воспринимается общественным сознанием как победитель, в первую очередь — в Великой и небывалой ранее войне, но не только — как носитель успеха и победного начала в целом. Как тот, кто умел побеждать.

Второе. Сталин воспринимается как создатель, как тот, кто смел организовать, наладить гигантский созидательный процесс, от построения индустрии в 20–30-е годы до природообразовательных проектов, основ атомной и космической программ в 40–50-е годы.

В обоих случаях встаёт и озвучивается вопрос: а какой ценой? Только оказывается, что озвучивают его те, кто только ничего в жизни создать серьёзного не смог, либо, если что-то и смог, то лишь разрушал.

И третье — третий фактор, определяющий отношение к нему: Сталин воспринимается как человек, который уничтожал врагов. Тех, кто был врагом, а кто им оказался лишь показался — растворяется, особенно после волны реабилитаций, после которых вообще потерялась разница как между репрессированными за дело и репрессированными безвинно, так и между реабилитированными обоснованно и реабилитированными "заодно", в рамках "кампании по реабилитации".

И в некоем "укрупнённом" массовом сознании рождается, точнее, давно родился идентифицирующий образ: победитель, создатель, уничтожавший врагов своего дела — Победы и созидания.

Все давно всё знают относительно репрессий, и тех и других, но всё растворяется в образе: вёл страну вперёд и сметал препятствия на своём (и её) пути.

СОЦИУМУ, ТОСКУЮЩЕМУ без побед и постоянно травмируемому снижением уровня жизни, откровенным хамством чиновников, грабительским повышением цен со ссылками на рынок, наглостью возрождающегося лимитрофного нацизма на Украине, в Прибалтике и Польше — это близко и нужно. И здесь дело не в апологии Сталина (апологика всегда уводит в тулип), а в той исторической реальности, которую социум видит перед собой.

Эти задачи поставили не большевики и не Сталин. Их поставила история и прогресс. Именно это и вызвало революцию. Ленин, большевики, Сталин эти задачи только выразили. Ко всему прочему, они ещё и поняли, что, не решив их в краткие сроки, страна рискует просто исторически исчезнуть. И Сталин их решил сумел — так, как сумел, и известной ценой. Реализовав в предвоенные годы большие проекты, заложенные Лениным, — коллективизацию, индустриализацию, культурную революцию — и победив благодаря этому в мировой войне, защитив плацдарм нового мира от агрессии фашизма, он на основе реализации трёх ленинских проектов спроектировал три новых. Проект "космос" (начатый исходно тоже ещё Лениным) — проект освоения и познаниявнеземного пространства, макромасшта. Проект "атом" — проект познания и подчинения власти человека уже и микромира. Проект "преобразование природы".

В нём как будто бы воплощается мировой дух научно-технического романтизма, рождённого историей и прорвавшегося в активном действии с началом XX века в революционном порыве партии большевиков. Он меняет уже не политическое устройство и строй. На основе их изменения он, с одной стороны, конструирует приоритет общества познания, в котором познавать и преобразовывать — интереснее и важнее, чем потреблять, а с другой — берётся за преобразование не только социального, но и всего окружающего мира.

Это не значит, хорош он или плох. Это значит, что сумел.

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ